

В Большую Советскую Энциклопедию он, один из немногих людей мира и нашей страны, вошел не под своим именем и фамилией, а под псевдонимом ... Карандаш, он же Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Михаил Николаевич Румянцев — прославленный на весь мир клоун.

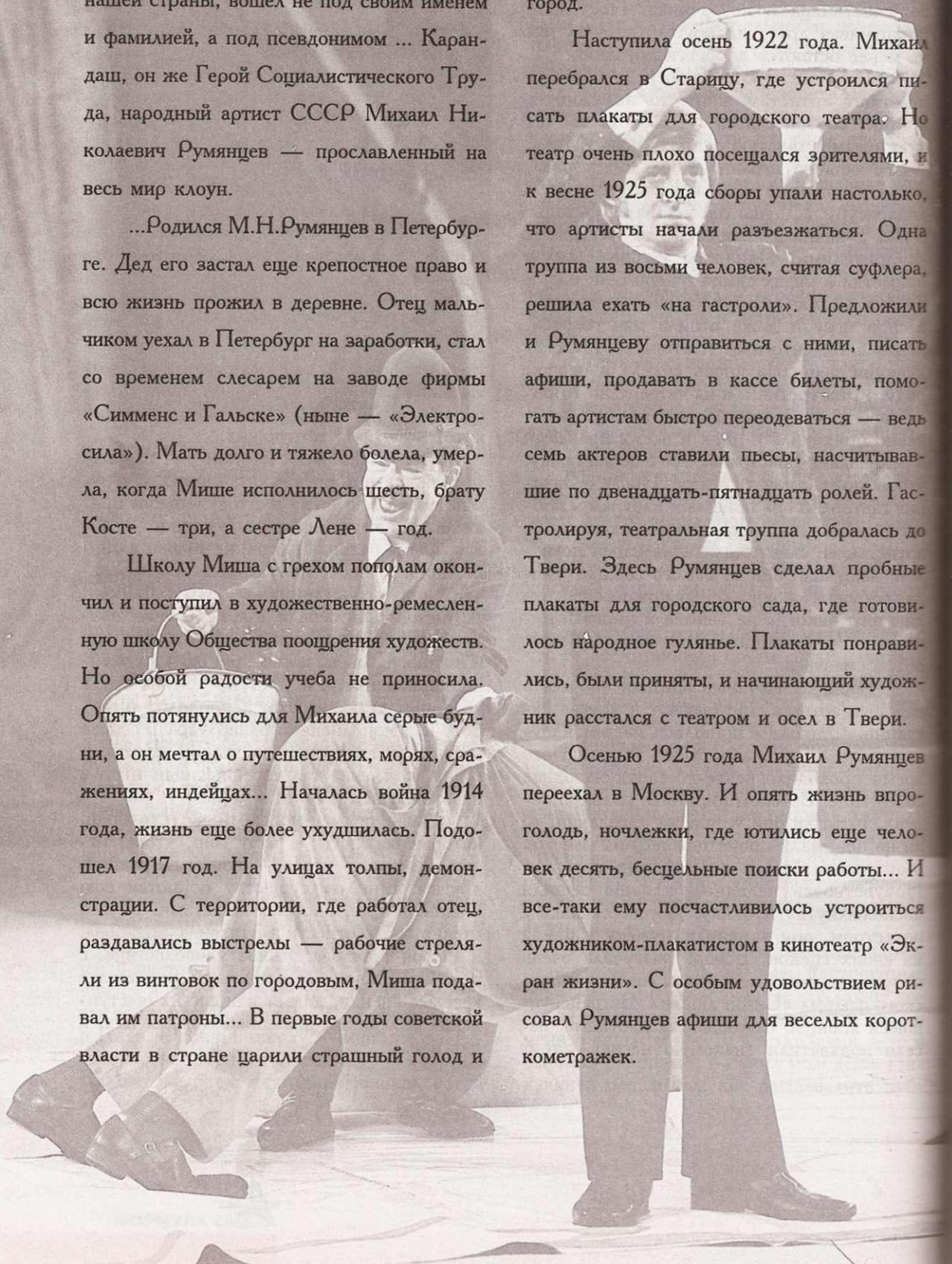
...Родился М.Н.Румянцев в Петербурге. Дед его застал еще крепостное право и всю жизнь прожил в деревне. Отец мальчиком уехал в Петербург на заработки, стал со временем слесарем на заводе фирмы «Симменс и Гальске» (ныне — «Электросила»). Мать долго и тяжело болела, умерла, когда Мише исполнилось шесть, брату Косте — три, а сестре Лене — год.

Школу Миша с грехом пополам окончил и поступил в художественно-ремесленную школу Общества поощрения художеств. Но особой радости учеба не приносила. Опять потянулись для Михаила серые будни, а он мечтал о путешествиях, морях, сражениях, индейцах... Началась война 1914 года, жизнь еще более ухудшилась. Подошел 1917 год. На улицах толпы, демонстрации. С территории, где работал отец, раздавались выстрелы — рабочие стреляли из винтовок по городовым, Миша подавал им патроны... В первые годы советской власти в стране царили страшный голод и

болезни. Необходимо было искать работу. В поисках ее Михаил скитался из города в город.

Наступила осень 1922 года. Михаил перебрался в Старицу, где устроился писать плакаты для городского театра. Но театр очень плохо посещался зрителями, и к весне 1925 года сборы упали настолько, что артисты начали разъезжаться. Одна труппа из восьми человек, считая суфлера, решила ехать «на гастроли». Предложили и Румянцеву отправиться с ними, писать афиши, продавать в кассе билеты, помогать артистам быстро переодеваться — ведь семь актеров ставили пьесы, насчитывавшие по двенадцать-пятнадцать ролей. Гастролируя, театральная труппа добралась до Твери. Здесь Румянцев сделал пробные плакаты для городского сада, где готовилось народное гулянье. Плакаты понравились, были приняты, и начинающий художник расстался с театром и осел в Твери.

Осенью 1925 года Михаил Румянцев переехал в Москву. И опять жизнь впроголодь, ночлежки, где ютились еще человек десять, беспредельные поиски работы... И все-таки ему посчастливилось устроиться художником-плакатистом в кинотеатр «Экран жизни». С особым удовольствием рисовал Румянцев афиши для веселых короткометражек.

КАРАНДАШ

Летом 1926 года в Москву приехали звезды мирового кино — Мэри Пикфорд и Дуглас Фербенкс. Румянцев узнал, что знаменитые гости посетят центральный кинотеатр «Аре». Возле кинотеатра — толпа. Сеанс окончился, Михаила прижали к стене, и тут он увидел знаменитых актеров рядом с собой. Увидел и решил... Будет артистом.

Он поступает на Курсы сценического движения, ими руководила В.И.Цветаева. Преподавали там художественную гимнастику, акробатику, характерный танец. Акробатике, правда, уделялся всего час в неделю. И все же...

Это помогло ему поступить в школу циркового искусства в класс акробатов-эксцентриков.

Клоунаду студентам преподавал театральный актер М.С.Местечкин, будущий главный режиссер Московского цирка на Цветном бульваре, с которым Михаила Николаевича позже свяжет большая творческая дружба. Тогда, в 1928 году, перед практикой студент объяснил педагогу, что никогда не выступал перед публикой и очень стесняется. Местечкин ободрил его, сказав: «Нужно побыть на публике, «обработаться».

Пролетел учебный год, и — практика. Группа, куда вошел Румянцев, ехала по маршруту Смоленск — Витебск — Полоцк — Борисов — Могилев. Теперь коверный-практикант чувствовал себя уверенней, хотя репертуар его был небогат, и он, говоря языком профессионалов, не всегда мог «держать программу», то есть заполнять все паузы, возникавшие по ходу действия. Коллеги опять советовали брать готовые куски из старых клоунад, чтобы пополнить репертуар. Но Румянцев отказывался от избитых трюков. Выступления его были все еще скромны, но зрители с симпатией стали относиться к коверному.

Когда группа вернулась в Москву, нескольких артистов из их бригады включили в программу летнего цирка в Парке культуры и отдыха им. Горького. Среди них оказался и Румянцев. Он появился на

манеже в гриме и костюме Чарли Чаплина. В те годы многие известные коверные выходили на манеж в образе Чарли и делали это весьма талантливо. Выступление Румянцева прошло успешно, чего, надо заметить, мало кто ожидал. Новоявленный Чарли решил закрепить свою удачу: до начала занятий оставалось больше месяца, и студент предложил свои услуги частному цирку «Колосс», гастролировавшему в Ереване. На этих его недолгих гастролях, может быть, не стоило бы и останавливаться, если бы не выводы, сделанные будущим клоуном Карандашом уже тогда.

Приступая к трюку, клоун оставлял на барьере то котелок, то тросточку, то что-то из реквизита, а зрители прятали их. На поиски комик тратил больше времени, чем на исполнение репризы. Однажды он обнаружил свой котелок и трость у зрителя первого ряда. Тот надел его котелок и был очень доволен, что вызвал смех всего зала. Публика смеялась не над шутками артиста, а над ним самим, над его растерянностью — клоун проходил между рядов, а ему подставляли ножку или дергали за пиджак. «Конечно, цирковой комик должен всегда быть готовым «обыграть» всякого рода неожиданности, он обязан быть своего рода импровизатором. Но я считал себя актером и находил, что должен **показывать**, а зритель — **смотреть**. И я не хотел принимать от зрителя пусть даже безобидные шутки, потому что, реагируя на них, я тем самым отвлекался от поставленной перед собой актерской задачи», — так позже размышлял и писал об этих гастролях М.Румянцев.

Выпуск из школы состоялся в мае 1930 года.

С первых же дней самостоятельной работы в Смоленском цирке молодой артист понял, как важно комику быть разносторонне тренированным. Владение разными жанрами позволяет пародировать номера или, по необходимости, органично войти в номер. Румянцев начал вести дневник, записывал туда свои наблюдения и размышления. Гардеробная его находилась возле

манежа, и он иногда сразу после очередной репризы успевал сделать заметки в дневнике, чтобы потом что-то исправить, изменить в своих интермедиях. Переезд в Бакинский цирк, где оказалась очень большая и разнообразная программа, дал ему новые наблюдения, из которых Румянцев сумел сделать для себя определенные выводы.

Он решается на то, чтобы выходить на манеж без заранее подготовленных сценок. Просто выйти и, исходя из обстоятельств, «зацепиться» за то, что подвернется под руку или, скорее, под ноги. Вначале было очень страшно выходить без готовой шутки, но вскоре артисту понравилось быть свободным на манеже. И какая же это была отличная тренировка — вот так экспромтом выкинуть какую-то шутку и при любой неожиданности найти выход из положения. Пристально вглядываясь в

номера, находил достойное осмеяния и создавал свои первые, может быть, очень скромные, самостоятельные пародии.

В следующем сезоне он выступал в других цирках. Оказавшись в Казанском стационаре, впервые осознал, насколько важен темп циркового представления. Румянцев научился укладываться в сжатые паузы, и ему нравилась такая живая, динамичная работа.

Позже, возглавляя цирковые коллективы, Михаил Николаевич Румянцев всегда выстраивал программу в отличном темпе и строго следил за тем, чтобы каждый номер попадал в темп общего хода представления, а уж он, клоун Карандаш, не давал зрителю «остывать». Этот ключик к успеху дивертисментных спектаклей он подобрал еще на заре своей карьеры и пользовался этим ключиком всегда.

...Впереди был Ленинград, напряжен-

ная работа, поиски и обретение новой маски. Там, на Ленинградском манеже, появился клоун Карандаш. И, наконец, Москва, всеобщее признание и популярность. Но до приезда в Ленинград оставалось еще три года. Три года работы в провинциальных цирках, частые переезды из города в город, знакомство с людьми и миром цирка. Все это не прошло бесследно...

Весной 1932 года состоялось открытие цирка в Сталинграде (ныне — Волгоград), выстроенного на территории тракторного завода. Амфитеатр на полторы тысячи мест, как правило, заполнялся рабочими. Это был новый зритель, Румянцев чувствовал: он должен откликаться на его запросы, соответствовать его интересам. Но как сделать это? И возникла мысль — в дальнейшем облик Чарли будет ему мешать все больше и больше. Это предположение вскоре подтвердилось. После весенних гастролей в Сталинграде летом переехал в Смоленск. Там узнал, что перед ним выступал коверный под псевдонимом Чарли Чаплина и весьма не понравился смоленской публике. Румянцев она тоже встретила холодно. А тут еще в номере иностранных гастролеров, гимнастов на турнике, оказался свой комик и тоже — Чарли! Румянцев пришел к выводу — от этой маски надо отказываться.

Достаточно ясно представляя внутренний характер своего героя, Румянцев задумался о его внешнем облике. Рассуждения его по этому поводу весьма интересны. В цирке очень важен внешний облик персонажа. Костюм с первого появления коверного привлекает к себе внимание. Таковы законы циркового зрелища. В театре, где характер героя дается в развитии, актер может постепенно либо завоевывать симпатии зрителей, либо вызвать антипатию к своему персонажу. В цирке вниманием зрителей нужно завладеть сразу, «с ходу», и желательно чем-то очень заметным, видным. Лучше и быстрее всего такую функцию выполняет костюм. Над своим костюмом Румянцев трудился долго и тщательно. В нем должны, считал он, преобладать простота, жизненность. Рядом с блестящими, эффектными костюмами других артистов коверный таким образом выделится простотой и тем самым станет ближе и понятней публике. Кроме того, каждая деталь костюма должна помогать работе. Например, мягкая шляпа для клоуна удобнее, чем твердый котелок, так как, загибая ее поля, сминая колпак, можно найти характеристику различных человеческих типов. Широкие брюки предпочтительнее узких — их можно крутить и тянуть, как пожелаешь. В них, наконец, можно спрятать любой предмет, даже кошку и колючего ежа.

От черного цвета Румянцев отказываться не стал. Опять-таки по контрасту с яркими костюмами акробатов, наездников, жонглеров. Усы? Без чаплинских усов лицо казалось невыразительным. Раньше клоуны клали на лицо яркий грим, увеличивали рот до невероятных размеров, обводили разноцветным гримом глаза. Делалось это для того, чтобы и с галерки видны были гримасы клоуна. В советском цирке клоуны все больше и больше отходили от таких масок. Но совсем без грима лицо становилось маловыразительным. Усы как раз подчеркивали мимику лица. Попробовал пышные усы — они старили и не соответствовали придуманному образу. Поэтому Румянцев сохранил «чаплинские» усики, разделив их полоской пополам, сделал немного меньше.

Артисту предстоял летний сезон в цирке-шапито в Таврическом саду, и он решил выйти в новой маске и под новым псевдонимом. В эти годы артисты все чаще выходили на манеж под своей фамилией, то же советовали сделать и Румянцеву. Но он чувствовал, что на манеж выходит другой человек, с другими манерами, привычками, он по-другому реагирует на события, чем это сделал бы он, Румянцев, в жизни. И поэтому у того, кто на манеже живет и действует, должна быть своя сценическая фамилия.

И Румянцев сидит в Цирковом музее, пересматривает афиши, листает альбомы. Вдруг он увидел альбом карикатур с размашистой подписью автора — **КАРАН Д'АШ**. Это могло бы подойти для псевдонима. Прикидывая так и эдак, подумал, что карандаш — очень ходовой предмет, в особенности среди детворы, и решил остановиться на этом псевдониме. В дирекции к новшеству отнеслись весьма прохладно, но художественный руководитель Ленинградского цирка Е.М. Кузнецов поддержал клоуна, и афиша открывающегося шапито известила публику, что у ковра весь вечер — клоун Каран д'Аш! Прошло лето, начался зимний сезон 1935/36 года в Ленинградском стационаре. Клоун уточнял облик, маску и поведение Карандаша на манеже. Сезон прошел напряженно и плодотворно. Состоялись четыре премьеры, и во всех участвовал Карандаш. Отныне он стал любимцем ленинградской публики. И именно в это

время его переводят на работу в Московский цирк.

Итак, премьера сезона 1936/37 года. Московский зритель тепло принял Карандаша, критика положительно оценила своеобразие его клоунской маски.

Карандаш давно подумывал завести себе четвероногого партнера — какую-нибудь лохматую собачку, может быть, даже полудворняжку. Долго он искал собаку, которая бы подходила к его собственному облику. Но одна была слишком мала, другая — великовата. И вдруг ему привели чистокровного шотландского терьера. Черный, с большой головой, на очень коротких ножках, этот пес сразу подошел и к манежу, и к облику клоуна, будто они многие годы работали вместе. Пса звали Нике, Михаил Николаевич называл его Ника, выпускал только в те репризы, где песик помогал ему. Но нужно было подумать и о дублере! Однажды Михаил Николаевич пришел домой и показал жене, Тамаре Семеновне Румянцевой, своей помощнице и ассистентке, крохотного черного щенка, затем опустил его на ковер. Эта кроха на красном ковре смотрелась совсем как большая черная клякса. Тамара Семеновна так и предложила назвать щенка. С тех пор на манеж всегда выходила Клякса. Все потомки Кляксы-1 носили ту же кличку, даже если по паспорту они звались иначе. Карандаш и Клякса — образ получил окончательное завершение.

Румянцев вглядывался в окружающую жизнь, в ней искал смешное. Читал сказки, пословицы, поговорки. Они подсказывали темы. Есть такое выражение: «аж пятки засверкали» или «смазал пятки». То есть смазал пятки и бежишь так быстро, что пятки «сверкают». Артист решил показать «сверкание» не в переносном, а в буквальном смысле слова. Для чего ввинтил в каблучки маленькие лампочки, которые загорались во время бега. Вторую поговорку тоже использовал: смазывал пятки на ботинках из большой масленки, какие имелись у паровозных смазчиков.

К тому же периоду относится еще одна сценка, вошедшая в репертуар Карандаша. Он выезжал на ослике, будто ехал на велосипеде. Вместо сбури к ослику были прилажены руль, педали, вместо запасной шины — запасная нога. А сзади — табличка с

номером, как на автомобилях. Нечто подобное придумывали и другие клоуны, но почему у Карандаша трюки становились до невероятности смешными и запоминались навсегда? Конечно, он выверял каждый жест, поступок, интонацию. Не делал того, что не свойственно его персонажу. Можно сказать и об удивительной достоверности его маски. Можно говорить много. Однако объяснить талант словами невозможно.

Можно лишь вспоминать, как Карандаш, важно заложив руки за спину, приподняв и чуть отведя в сторону ногу, скользил по ковру, будто по льду. А на завтра все мальчишки вокруг цирка «катались» по тротуару, подражая своему кумиру.

Талант талантом, но трудиться приходилось много. В представлении участвовал аттракцион Т.Сидоркина «Морские львы». Животные проделывали трюки в стеклянном аквариуме вместе с купальщицами. Затем в купальном халате с полотенцем и мочалкой появлялся Карандаш. Влезал по лесенке к краю аквариума, желая проверить температуру воды, но девушки толкали его в воду, он сталкивался с морским львом, «захлебывался», выкарабкивался в ужасе из бассейна и убегал за кулисы. Как только номер завершался, Карандаш появлялся с длинной веревкой, натягивал ее поперек манежа и начинал «сушиться», прицепив себя огромными бельевыми прищепками к веревке. Проектор наводил на него узкий «солнечный луч», клоун «сушился». За время этой репризы убирали громозд-

кий аквариум. Проходило это почти незаметно для публики — она потешалась над выдумкой клоуна.

Михаил Николаевич всегда пояснял, что одна из важных задач коверного, каким бы знаменитым он уже ни стал, — заполнять паузы в момент уборки аппаратуры с манежа и делать это так, чтобы зрители, увлекаясь клоунскими шутками, почти и не замечали работы uniformистов. Начиная репризу, он старался не помешать uniformистам, но и сам стремился найти такое место в манеже, чтобы реквизит не загороживал его. Переключив внимание зрителей на себя, клоуну необходимо удерживать его.

В годы Отечественной войны Карандаш показывал себя как острый, блестящий сатирик. Хотя потребность в сатире тогда была велика, артист решил не действовать поспешно. Если политсатиру исполнить не в свойственной клоуну манере, она могла получиться малоходчивой, не достигнуть цели. Допустить такой промах — нельзя.

У артиста возникла мысль показать провал гитлеровского наступления под Москвой. Для этого он взял большую бочку, установил ее на платформу, колеса которой декорировал под гусеницы танка. Ящик с поленом изображал башню на танке. Спереди на днище бочки нарисовал череп и кости. Сам влезал в танк. Манеж ассоциировался с Москвой. Танк, приближаясь к ней, взрывался, разлетался на куски, клоун

с трудом вылезал из-под обломков, одежда на нем висела клочьями. Он убежал туда, откуда пришел. Тема схвачена верно, присутствовал здесь и игровой трюк. Но как мягкий забавный Карандаш изобразит гитлеровца? А артисту хотелось, чтобы фашиста изображал не М.Румянцев, а именно клоун Карандаш, так полюбившийся всем за эти годы. Он нашел простое, как он считал, решение. Предложил режиссеру показать «Как фашисты шли на Москву и обратно». Приблизительно так показывают дети свои импровизации взрослым. Получив согласие режиссера, Карандаш на глазах у публики натянул на лицо получеловечью-полусобачью маску, на голову водружал чугунный котел, вооружался топором, ножом, дубиной. Высматривал что-то вдаль, усаживался в «танк» с криком «Нах Москау!» и катил вперед. Взрыв! Гитлеровец в лохмотьях на одной ноге стоит в изумлении на манеже. Затем обвязав голову платком, схватив «подвернувшийся» костюм, на одной ноге удирает за кулисы.

Создавая политические репризы, Румянцев всегда старался, чтобы они вызвали смех. Конечно, сценка может быть актуальной, зрители хорошо принимают ее, но... не смеются. Значит, это всего-навсего пересказ политической темы. А комик должен решить ее по-цирково, смешно. И Карандаш добивался смеха в зале, добивался осмеяния фашистов.

На маленькую трибунку клоун устанавливал микрофон, из портфеля вынимал собаку, она опиралась передними лапами о трибуну и начинала яростно лаять в микрофон. Ааяла азартно, безостановочно. Оторвать ее от микрофона не хватало сил. Карандаш перекрикивал лай: «Довольно трепаться!..». Наконец, закончив речь, собака ныряла в портфель, а клоун объявлял: «Речь министра пропаганды Геббельса окончена». Доходчивость сценки оказалась исключительной.

В послевоенные годы сатира заняла в репертуаре клоуна главенствующее положение. Таково было требование того времени. Все коверные занимались «критикой и самокритикой». Не ушел от этого и ведущий комик страны.

Он критиковал бракодела, изготавливающего такие кособокие шкафы, что при малейшем толчке они рассыпались, погре-

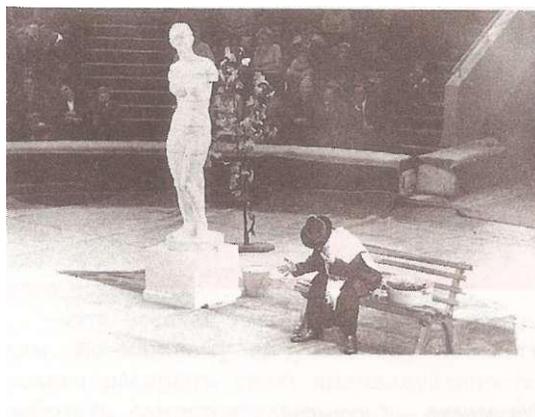
бая под собой директора-изготовителя. Тот расплющивался в буквальном смысле слова. На манеже лежала плоская фигура Карандаша из фанеры. Так по-новому переосмыслил артист свой старый клоунский трюк.

Была у него и сценка о раздутых штатах. Карандаш выходил на манеж и сообщал, что он теперь начальник строительства с большим штатом. Ему не верили. Тогда по манежу длинной чередой проходили бухгалтеры, делопроизводители, машинистки, секретарши. На вопрос: «А где же рабочие?» по манежу проходил один-единственный плотник с пилой на плече.

Эти сценки по своим темам ближе эстраде, чем цирку, но Карандаш и тут находил каждый раз цирковой «ход», клоунский трюк. И все же лучшими в его репертуаре были другие репризы.

«Сценка в парке». Без нее рассказ о творчестве Карандаша не может быть полным.

Уголок парка. Скамейка, урна, скульптура Венеры. Сторож метет дорожку, парк еще закрыт. Тут появляется человек — он явно идет из бани. В руках у него тазик, через плечо — полотенце. (Типичная картинка 30-х годов. Все живут в коммуналках и моются в бане неподалеку.) Сторож замечает раннего посетителя, гонит его. Карандаш (это, конечно, он) прячется за спину дворника. Тот вертится, не может найти нарушителя порядка, убегает на поиски его. Оказавшись хозяином положения, Карандаш важно разваливается на скамейке и вдруг замечает, что руки и одежда его в зеленой краске. Скамейку только что покрасили! Собираясь стереть краску, берет из тазика мочалку, мыло. Но мыло такое сколь-

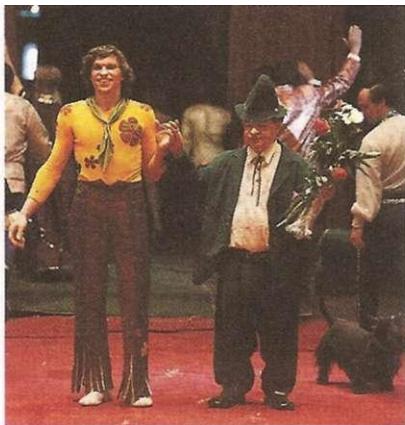
зкое, просто само выпрыгивает из рук. Карандаш очень потешно ловит его. Поймал! А оно опять ускользает, на этот раз... в штаны. Извлечь его никак не удастся. Оно, холодное, скользкое, щекочет клоуна, тот хохочет, натывается на Венеру. Скульптура падает и разлетается на куски. Бежать? Или восстановить скульптуру? Собирает поспешно, не соображая, в какой последовательности устанавливать отдельные части. Надумал: снимает ремень с брюк, измеряет «осколки», чтобы хоть так определить порядок их установки. Мешают сползающие брюки, мешает мыло, все еще «гудящее» в них. А тут скульптура покачнулась, прищемила ногу. Ее удастся высвободить, но носок остался зажатым скульптурой. Работа вроде бы завершена. Клоун отходит и смотрит со стороны, что у него получилось. Ужас!

Венера перекручена как штопор. С досады Карандаш хлопает себя по щеке, и на лице появляются зеленые разводы. Забирается на пьедестал и пытается исправить ошибку. Скульптура снова падает, куски летят наземь... И в эту самую минуту возвращается сторож. Бежать поздно. Клоун выпускает из брюк рубашку, прикрывает ею брюки и изображает на пьедестале... Венеру. С кепкой на голове и зелеными пятнами на лице. Когда сторож приходит в себя от изумления, он метлой сгоняет разрушителя, тот с криком убегает, сторож гонится за ним. На манеже разбитая вдребезги Венера...

Номера, где разбивались статуи, и раньше существовали на манеже. Обычно клоун вставал на место статуи, дурачил прохожих и влюбленных. Успех сценки зависел от дарования и выдумки исполнителей, но они, как правило, повторяли друг друга.

Карандаш постарался воссоздать средствами клоунады реальную жизнь. Маленький человек со своими маленькими заботами и интересами разбил прекрасную статую. Он не сбежал, он не так уж плох. Пытается исправить содеянное. Но разрушить прекрасное легко, а восстановить дано не всякому. В номере смешно и трогательно показана трагедия маленького человека.

Михаил Николаевич Румянцев прожил большую и яркую жизнь. В марте 1983 года его не стало. В том же году его дочь, кандидат искусствоведения, Наталия Румянцева издала небольшую книжку о своем отце. Открывается она словами: «Когда Карандаша спросили, доволен ли он своей судьбой на манеже, он улыбнулся: «Никогда не задавайте такой вопрос человеку, который в семьдесят лет решил стать серьезным. Сорок лет я шутил на манеже. Теперь пришло время разобраться, над кем и над чем я шутил. Конечно, я сказал не все. Но все, что я сказал, я хотел, чтобы было современно. У каждого вида искусства свой путь к истине, а у каждого художника свой путь познания истины. Я выбрал смешной путь».

На манеже — Карандаш!